

1

Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера,
1528 года.

"После сего придет другой орел, который огонь возбudit в лоне невесты Христовой, и будут трое побочных и один законный, который других пожрет.

Возстанет орел великий на Востоке, островитяне западные восплачут. Три царства захватит. Сей есть орел великий, который спит годы многие, пораженный возстанет и трепетать заставит водяных жителей западных в земле девы и другия вершины прегордня, и полетит к югу, чтоб возвратить потерянное. И любовью милосердия воспламенит Бог орла восточнаго, да летит на трудное, крылами двумя сверкая на вершинах христианства".

2

Распространяется пророчество Серафима Саровского о грядущих судьбах России - ее тяжелом лихолетии и о последующем освобождении от этого лихолетия." Будет такая скорбь, что от начала мира не было, - время придет такое, что ангелы не будут успевать принимать души," говорил Св. Серафим. Но он же предсказывал и возрождение России с исполнением столетия со дня его смерти. Столетие это исполнилось в истекающем настоящем году

Распространяется пророчество Серафима Саровского о грядущих судьбах России - ее тяжелом лихолетии и о последующем освобождении от этого лихолетия." Будет такая скорбь, что от начала мира не было, - время придет такое, что ангелы не будут успевать принимать души", говорил Св. Серафим. Но он же предсказывал и возрождение России с исполнением столетия со дня его смерти. Столетие это исполнилось в истекающем году.

Распространяется пророчество Серафима Саровского о грядущих судьбах России - ее тяжелом лихолетии и о последующем освобождении от этого лихолетия. -" Будет такая скорбь, что от начала мира не было, - время придет такое, что ангелы не будут успевать принимать души", говорил Св. Серафим. Но он же предсказывал и возрождение России с исполнением столетия со дня его смерти. Столетие это исполнилось в истекающем году.

Распространяется пророчество Серафима Саравского о грядущих судьбах России - ее тяжелом лихолетии и о последующем освобождении от этого лихолетия." Будет такая скорбь, что от начала мира не было - время придет такое, что Ангелы не будут успевать

Среди духовных движений, родившихся за последние годы, особенную, оригинальную ноту выявляют Гностики-Мистики, создавшие рыцарский орден "Светлого Города". О его целях повествует Брат Алексей в своих поучениях. "Меж болот мирской неправды, среди дребней ложного знания, минуя скалы человеческой глупости, обретишь равнину исканий и восемь дорог к ней. А посреди - озеро живой воды. Путь к нему лежит в кругах странников. Меж людьми ты хочешь стать странником, чтобы будить в них тоску по совершенству. Скажи, хочешь-ли ты уважать все искания? Хочешь-ли вникать в чужия искания? Хочешь-ли сам искать свет совершенства? Ты ответил - хочу? Странник, ты принят в наш круг. Вот тебе посох с крыльями. Иди Цветок круга странников - подорожник"...

Светлый Город стоит на 5 столбах в чистом озере. К нему ведут 4 братства: Иоанново, восточное братство религиозного творчества и проповеди духа; Бояново, северное братство магии искусства; Пифагорейское, западное братство науки и философии; Микулино, южное братство любви и жертвы. Но все 4 братства - одно, и имеет оно 3 степени: первая - братство Светлого Города, носит цветок василька, знак, что голубая звезда ведет путника; вторая - братство Строителей Светлого Города, носит с васильком ржаной колос, напоминающий, что поле готово к посеву; третья - братство Жителей Светлого Города, носит букет из подорожника, василька, ржаного колоса и гвоздики. Гвоздика значит, что странник готов к жертве любви, вплоть до распятия. Брат Алексей говорит: "Ты, познавший тоску подорожника, быть на всех путях везде при дороге, но никогда не зная на пути-ли ты, - вот голубую звезду василька даю тебе, пусть она ведет тебя. Голубая звезда васильков цветут на золоте ржаных полей. Но ты пришедший, какие поля засеял ты? Не проходи мимо полей, тоскующих по любви, засея их золотом свободных устремлений. Возьми колос, в нем ты найдешь зерна для посева. Пусть на каждое зерно, тобой посеянное, вырастет новый Светлый Град, а они все-Один. Бесплодны поля не орошенные... Пусть же алая гвоздика расцветет у тебя на груди. Иди На пути и встречу тебя."

Странники совершали походы и давали о них отчеты на своих трапезах. Странники встречались на Дне, в условном месте, и совершали общую трапезу состоявшую из хлеба, вина и фрукт, под открытым небом.

4

Среди духовных движений, родившихся за последние годы, особенную, оригинальную ноту выявляют Гностики-Мистики, создавшие рыцарский орден "Светлаго Города". О его целях повествует Брат Алексей в своих поучениях. "Меж болот мирской неправды, среди дебрей ложного знания, минуя скалы человеческой глупости, обретишь равнину исканий и восемь дорог к ней. А посреди - озеро живой воды. Путь к нему лежит в кругах странников. Меж людьми ты хочешь стать странником, чтобы будить в них тоску по совершенству. Скажи, хочешь-ли ты уважать все искания? Хочешь-ли вникать в чужия искания? Хочешь-ли сам искать свет совершенства? Ты ответил - хочу? Странник, ты принят в наш круг. Вот тебе посох с крыльями. Иди Цветок круга странников - подорожник"...

Светлый Город стоит на 5 столбах в чистом озере. К нему ведут 4 братства: Иоанново, восточное братство религиозного творчества и проповеди духа; Бояново, северное братство магии искусства; Пифагорейское, западное братство науки и философии; Микулино, южное братство любви и жертвы. Но все 4 братства - одно, и имеет оно 3 степени: первая - братство Светлаго Города, носит цветок василька, знак, что голубая звезда ведет путника: вторая - братство Строителей Светлаго Города, носит с васильном ржаной колос, напоминающий, что поле готово к посеву; третья - братство Мителей Светлаго Города, носит букет из подорожника, василька, ржаного колоса и гвоздики. Гвоздика значит, что странник готов к жертве любви, вплоть до распятия. Брат Алексей говорит: "Ты, познавший тоску подорожника, быть на всех путях везде при дороге, но никогда не зная на пути-ли ты, - вот голубую звезду василька даю тебе, пусть она ведет тебя. Голубые звезды васильков цветут на золоте ржаных полей. Но ты пришедший, какие поля засеял ты? Не проходи мимо полей, тоскующих по любви, засеянных золотом свободных устремлений. Возьми колос, в нем ты найдешь зерна для посева. Пусть на каждое зерно, тобой посеянное, вырастет новый Светлый Град, а они все-Один. Бесплодны поля не орошенные... Пусть же алая гвоздика расцветет у тебя на груди. Иди На пути и встречу тебя."

Странники совершали походы и давали о них отчеты на своих трапезах. Странники встречались на Кге, в условном месте, и совершали общую трапезу состоящую из хлеба, вина и фруктов, под открытым небом.

От Зари Белый Орел. От Солнца Посол. Кто идет на Север, тот придет от Полудня. Спросите Посла - проходили-ли Горы Великие, прошел-ли Место Проповеди Благословенного, не утерял-ли Кольца Шамбалы и помнит-ли Три Жемчужины? Узнавайте Нашего Посла этими признаками.

Когда придут разрушители Храмов, значит близко Шамбала. Когда начнут издеваться над Тремя Жемчужинами, значит Сам Ригден Джэйпо начинает Поход. Когда станут поносить Святини, значит Желтое Знамя развивается. Когда люди потеряют Учение, значит пришло время строения Храма Шамбалы.

Из книги английского врача д-ра Кронина "ЦИТАДЕЛЬ" /которая за первую же ночь своего появления наделала в Англии страшный шум/.

Краткое содержание первых глав:

Молодой английский врач Андрей Мансон, только что кончивший учение, нашел место в Бланелли/ в каменноугольном районе/ и приехал на свое новое место ассистента к врачу в этом городе. По приезде его приняла жена и оказалось что сам доктор в параличе и что ему пришлось сразу же взяться за всю его практику. Он был молодой энергичный человек и радостно взялся за работу, учился и успевал. Оказалось потом, что жена больного доктора получала от городской комиссии большие деньги, как бы жалование мужа, а выплачивала Мансону лишь какую-то маленькую условленную с ним сумму, даже стараясь удерживать себе шиллинги. Продолжается длинное описание, как он знакомится и женится на Христине, учительнице в этом городе, очень идеалистичной молодой женщине, как он помаленьку успевает, сдает дальнейшие экзамены на новые докторские чины /как это в Англии принято/, для чего ему приходится на мотоцикле мчаться в ближайший город, но он энергичен, успешен, и получает не только этот чин, /М.Ф.Б./ но потом и новое назначение. Описывается нрав рабочих комиссий, которые утверждают врачей к этим каменноугольным районам, итд. Он попадает наконец в Лондон, где покупает практику с всей обстановкой умершего врача, помаленьку успевает дальше и дальше, но друзья и новые знакомые его обучают его тому как с публики сдирать деньги, он устраивает новый вход в свою приемную - через один входят платящие немного, а через другой люди света, платящие три фунта за визит, он посещает ряд великосветских пациентов на дому, которые собственно говоря совсем не больны, но осматриваются каждый месяц, платя большие деньги и т.д. и жена его с ужасом видит как уносится водоворотом повышающихся заработков все дальше от всех своих идеалов, покупает моторы, дом, итд. и почти он с женой расходится. Когда он работал в каменноугольном районе он очень заинтересовался проблемой распространения чахотки через каменноугольную пыль, антрацит, написал ряд серьезных трудов и в Америке один ученый Стильман, работавший научно /но не квалифицированный врач/ в этой же области исследований, откликнулся и очень хорошо отзывался о его трудах. Вдруг он услышал, что этот Стильман приехал в Лондон, он его увидел и узнал что тот сильно развил всю работу в этом направлении лечения чахотки и изобрел какой-то кажется аппарат, действие которого мне не совсем понятно, но он его называет пневмофоракс, и собирался устроить за городом санаторию. Потом описывается случай, как муж какой-то его пациентки, небогатой женщины заболел какой-то желудочной опухолью, он не мог оперировать и предложил ей что пригласит своего знакомого хирурга и вот он поговорил с одним из своих новых лондонских друзей, тот с улыбкой согласился сделать это за тридцать фунтов /это были последние деньги этой женщины/. Мансон из медицинской литературы знал что это не особенно страшная операция и уверил ее, что муж выживет, но оказалось что его друг хирург, когда начал операцию /которая подробно описывается/ но я не совсем мог уследить за всеми докторскими подробными терминами/ показал свое полное неумение таких операций, и когда у больного после надреза вылез какой-то большой пузырь крови, этот хирург не знал что делать, даже не сумел схватить его, и потом сделал нарез, и больной тут же скончался. Хирурга этого мало трогало, и он сказал что всякое бывает при операциях, но Мансон был так взволнован, что считал себя соубийцей. Он не знал как сказать этой несчастной жене умершего. Потом он узнал что этот "хирург" делал лишь незаконные аборты и больше вообще ничего не умел, и когда этот хирург ему наконец еще предложил комиссию за эту "делку", тогда у Мансона наконец открылись глаза на то, что представляют из себя лондонские коллеги. Описывается еще несколько случаев, и помаленьку его начинает претить от всего этого обмана и наживы и он опять начинает мечтать о своей исследовательской работе и подыскивает себе

прекрасное тогда они меня судят". Хоппер с ужасом посмотрел на Мансона и сказал: Умоляю Вас, д-р Мансон, Вы не понимаете серьезность положения. Считаю необходимым сказать Вам, что откровенно я считаю наилучшим в лучшем случае все шансы против Вас - и успех весьма проблематичен. Все прецеденты против Вас /он называет ряд англ.судебным решений похожих случаев/. Поэтому я умоляю Вас - отвечайте на вопросы только :да или нет, или же возможно короче. Ибо я торжественно Вас предупреждаю, если Вы начнете какое нибудь свое высказывание возмущения, как это Вы сейчас сделали мне, то несомненно Ваше дело будет потеряно и Ваше имя будет снято с регистра - это также верно, как то что меня зовут Томасом Хоппер."

Одним словом он запугал Мансона совершенно и когда тот явился в суд и сел рядом с Хоппером и до него присудили одного врача за "плохое поведение" хотя Мансон был уверен что тот поступил так лишь потому чтобы иметь хоть какой нибудь заработок, то настроение у Мансона было конечно незавидное. Потом начинается описание суда, которое я передам по возможности точнее:

"Г-н Председатель, джентлемены - сказал Георгий Бун, адвокат по обвинению: мы имеем теперь ясный случай профессионального сотрудничества с нерегистрированной личностью и конечно это в высшей степени недопустимо. Факты следующие. Пациентка, Мэри Боланд, страдавшая от /тут идет научное название чахотки/ была принята на лечение д-ром Форогуд в Виктория грудном госпитале 18 июля. Там она оставалась на лечении д-ра Форогуда до 14 сент., когда она сама заявила желание покинуть госпиталь под предлогом желания вернуться домой. Я говорю под предлогом, потому что в день ее выписывания из госпиталя она не вернулась домой, но была встречена у ворот госпиталя д-ром Мансоном который сразу повез ее в учреждение под названием Бельвю, цель которого, мне кажется, заниматься лечением дыхательных болезней. Приехав туда, пациентка легла в кровать и была освидетельствована д-ром Мансоном вместе с владельцем этого учреждения Ричардом Стилманом, неквалифицированной личности и к тому же, как я понимаю, хм - иностранцем. /Стилман был американцем и тут игра на психологию Медицинского Совета/. После освидетельствования было решено по совместной консультации - обращаю Ваше внимание на это слово, после совместной консультации оперировать пациента и ввести состояние пнеймоторакса. Тогда д-р Мансон сделал локальную анестезию и индукция была произведена д-ром Мансоном и г-ном Стилманом. Теперь господа, вератце познаюмив Вас с положением дела, прошу разрешения вызвать свидетелей."

Далее идет описание допроса д-ра Форогуда и одной сестры и конечно адвокат Бун всячески поворачивает вопросы так, чтобы представить д-ра Мансона чуть ли не преступником. Потом вызывается сестра Шарп, которая донесла на Мансона. "Можете-ли Вы сказать нам что Вы знаете о поступках д-ра Мансона 14-го сент. после обеда" спросил ее Бун. "Да, я была с ним." - "Из Вашего ответа я вижу что Вы как бы были с ним против своей воли, да" - "Да, когда я узнала куда мы едем, в это сомнительное учреждение и кто этот самый Стилман, даже не доктор или что нибудь в этом роде, я была...." "Шокированъ.." подсказал Бун. - "Да, я была шокирована, ответила сестра Шарп, я всю мою жизнь всегда имела дело только с настоящими докторами, со специалистами.." - "Именно так, сказал Бун: и, сестра Шарп, пожалуйста ответьте мне на другой очень важный вопрос, чтобы Медицинскому Совету он был вполне ясен. Что, участвовал-ли д-р Мансон и помогал-ли он Стилману при проведении этой,..этой хм..операции". - "Да, он участвовал" злобно сказала сестра Шарп. Тут Сэр Роберт Аббей слегка нагнулся вперед и спросил: "А правда-ли сестра Шарп, что в то время когда это имело место Вы находились под отказом со стороны д-ра Мансона". - Сестре Шарп, сильно покрасневшей не осталось ничего другого, как на это согласиться: "Да, так оно и кажется было" пробормотала она. - Тут Мансон впервые почувствовал искру теплоты и он знал что в Сэре Аббей он сохранил друга. Бун, слегка недовольный последним инцидентом, тогда опять обратился к Совету: "Г-н председатель и джентлемены, я мог бы продолжить вызывание свидетелей, но я слишком ценю Ваше время. Кроме того, мне кажется я доказал дело

"Имели-ли Вы какие нибудь скрытые или неблагородные мотивы" - "Нет".
 "Вы не хотели этим поступком бросить какой-нибудь тени на Ваших старших коллег, например на д-ра Форогуда." - "Нет, мы всегда работали дружно и наше мнение разошлось лишь в этом случае лечения". "Именно, быстро вставил Хоппер - так Вы можете верить Мед.Совет что - честно и открыто - Вы не имели никакого желания нарушить медицинский кодекс и что Вы не имели ни малейшего понятия что Ваш поступок является неэтичным" - "Это абсолютная правда". Хоппер глубоко вздохнул и кивком головы пригласил Мансона сесть. Хотя он и чувствовал необходимость спросить свидетельство Мансона, он ужасно боялся что его клиент может разгорячиться. Но теперь все благополучно кончилось и ему казалось что был хоть маленький шанс на успех. Он заключил свое обращение следующими словами: "Я хотел показать что д-р Мансон сделал лишь несчастливую ошибку. Я обращаюсь не только к справедливости, но и к пощаде Мед.Совета. Далее я хотел бы обратить внимание Совета на достижения моего клиента. Своим прошлым он может гордиться, Мы все знаем случаи, когда гениальные люди совершали какую нибудь пустяжную ошибку и не получив пощады их карьера была закончена. Но я надеюсь и я молюсь, что в этом случае, который Вы сейчас судите, это не будет так."

Извинение и весь тон Хоппера казалось имели прекрасное воздействие на Совет. Но вдруг Бун вскочил и попросил Председателя дать ему поставить еще один два вопроса: "Д-р Мансон, ваш последний ответ мне не совсем понятен, Вы говорите что Вы не знали что Ваш поступок был неэтичен. Но ведь Вы все же знали, что г-н Стилман был неквалифицированным лицом". Андрей Мансон смотрел на Буна из под своих густых бровей. Все недоброе отношение этого адвоката обвинения рисовало его, Мансона, в каком то преступном виде. Он слегка загорелся но сказал сдержанно и ясно: "Да, я знал что он не доктор". Улыбка появилась на лице Буна: "Я вижу, я вижу, сказал Бун, и все же это не остановило Вас." - "Да, оно не остановило меня, сказал Мансон с сильной горечью. Он почувствовал что теряет контроль над собой Он глубоко забрал воздух в легкие: "М-р Бун, я слышал как Вы спросили массу разных вопросов. Но позвольте мне спросить Вас один вопрос. Слышали-ли Вы когда нибудь о Лии Пастере." "Конечно, ответил удивленный Бун, кто же не слышал". "Вот именно, кто не слышал. Но вероятно Вам неизвестен тот факт, г-н Бун, и может быть Вы позволите мне осветить его Вам, что Лии Пастер, величайшая фигура в научной медицине, НЕ был доктором. Также не был Эрлих - человек который дал медицине лучшее и самое специфическое средство в ее целой истории. Также Харкин не был доктором, который поборол чуму в Индии лучше какого-бы то нибыло квалифицированного джентльмена. Также не был Мечников уступающий только Пастеру в своей величине. Простите что я Вам напоминаю эти элементарные факты, г-н Бун. Они могут Вам показать, что не каждое лицо, борющееся с болезнями имя которого не в регистре, не должно поэтому еще быть простаком или глупцом." Наступила электрическая тишина. Все члены Мед.Совета вытянулись. Сэр Аббей особенно смотрел на Мансона с странным упорством. Прошел момент. Хоппер, закрыв лицо руками, тихо простонал. Теперь, он знал, все было потеряно. Бун, чувствуя себя неловко, сделал попытку выправиться: "Да, да, это все великие имена, мы знаем. Но все же Вы навряд-ли сравниваете с ними Стилмана." - "А почему нет, возразил Мансон с горячим возмущением. Они лишь велики, потому что они умерли. Виршов издевался над Кохом в течении жизни, ругал его. Мы теперь не издеваемся над ним. Мы ругаем людей как например Спаллингера и Стилмана. Вот Вам другой пример - Спаллигер - великий и своеобразный научный мыслитель. Он не доктор. У него нет медицинского звания. Но он сделал больше для медицины чем тысячи людей со званием, людей которые катаются кругом в автомобилях и загребают от пациентов деньги как воздух, в то время как Спаллигер встречается с оппозицией, подлежит обвинениям, ему дают тратить свое богатство на исследования и лечения, а потом его оставляют бороться с бедностью". - "Должны ли мы понять, с некоторым из-

apical phthisis когда она пошла к Стилману. Теперь она вылечена. Если Вы желаете какого либо оправдания моему гнусному поступку, то но здесь, в зале, перед Вами."

Он кончил и сразу же сел. В лице Сэра Аббей блеснул странный огонек. Бун смотрел на Мансона со смешанным чувством и потом, очевидно считая что он дал Мансону достаточно веревки и что тот сам повесил себя, поклонился председателю и сел. На минуту было гробовое молчание. Потом председатель встал и сказал: "Прошу всех посторонних удалиться"..... Когда через некоторое время все опять вошли в зало, Председатель встал и сказал отчетливо:

"Андрей Мансон, Мне надлежит сообщить Вам что Генеральный Медицинский Совет тщательно рассмотрел обвинение которое было подано против Вас и все те показания которые были здесь сделаны. Совет считает, что несмотря на странные обстоятельства этого дела и Ваше собственное необычное толкование его, Вы все же действовали в доброй вере и искренно желали содействовать тому духу закона который требует наивысшего мерила профессионального поведения. Я должен сообщить Вам, что Совет не видит надобности снять Ваше имя в регистра."

"Благодарю Вас" сказал Мансон обращаясь в председателю и помимо него как бы к Сэру Аббей.

"И этим дело закрывается" - объявил председатель.

И Мансон с двумя друзьями берется за задуманное им благое дело.

Энгр в своем дневнике отмечает:

"Искусство возрождается у современников на развалинах творений древних; и надо стремиться оживить среди нас средства последних, продолжая их.

Не надо колебаться копировать древних, произведения которых надо рассматривать, как общее сокровище, где каждый может во всех отношениях, когда мы умеем ими пользоваться с выгодной для себя.

Искусный живописец, который не избегает риска быть испорченным дурными образцами, сумеет ими воспользоваться с выгодой. Он сумеет воспользоваться наиболее посредственными их видами, которые, проходя через его руки, приобретут совершенство; он сумеет найти в грубых опытах искусства, до его обновления, оригинальные идеи, обдуманые комбинации, более того - высшие способности изобретения.

Только самый низший стиль искусств, как в живописи, так и поэзии и музыке, нравится естественным образом всем вообще людям. Самые высшие достижения в искусстве не произведут никакого действия на совершенно некультуривированные умы, что известно по опыту. Тонкий и изящный вкус является плодом воспитания и привычки. Мы получаем при рождении только способность к выработке такого вкуса и к его образованию; точно так же, как мы рождаемся с определенным расположением воспринимать законы и обычаи общества и с ними сообразоваться. Только в этом-то смысле и можно сказать, что эта способность естественна.

Следовательно, чтобы извлечь пользу из критики своих друзей, необходимо уметь различать путем познания их характера и вкуса, их опыта и их наблюдений, в какой степени они могут быть нам полезны. Чтобы быть хорошим критиком большого стиля в искусстве, нужно быть одаренным тем же очищенным вкусом, какой руководил самим художником в его произведении.

Искусство далеко не всегда вытикает из природы или имеет какое-либо непосредственное отношение к таковой, рассматриваемой как его образец; существуют даже искусства, которые основываются на принципах, диаметрально противоположных природе. Главная и наиболее важная вещь, которую надо знать в живописи, это то, что природа произвела наиболее прекрасного и наиболее подходящего в этом искусстве, чтобы из него сделать выбор. Таковы были вкус и манера чувствовать у древних."